

В город Горно-Алтайск я приехал ненастным осенним вечером. На щитах кинотеатра мокли афиши с названием какой-то слезоточивой мелодрамы, у автовокзала Бискайским заливом раскинулась судоходная лужа, и почему-то не горели фонари.

Среди всей этой сырой неуютности гордым сухогрузом возвышался местный драмтеатр. Остальные музы признаков жизни не подавали.

В театральном помещении шла репетиция. Несмотря на раннюю осень, температура в здании явно указывала на то, что театр расположен в Сибири. Звенела капель с протекающей крыши, напоминая о вечной весне. Актеры, одетые в театральные реквизиты разных эпох, но в северном исполнении, бойко чеканили тексты и выглядели экзотично.

— Классику ставите? — выдохнув облако пара, уважительно спросил я одного из служителей Мельпомены, тщательно укутанного поверх ширпотребовского пальто в королевскую «горностаевую» мантию.

— Это чтобы не замерзнуть, — ловко увернувшись от небольшого водопадика дождевой воды, хлынувшего с потолка, простуженно отозвался служитель муз. — Сыро у нас здесь...

И впрямь было сыро. Геологическими наслоениями отваливалась штукатурка, журча на перекатах, текли дождевые ручейки по стенам, и молодые актрисы пытались укротить их бег с помощью жалкого тазика. Тазик периодически опрокидывало шаловливой волной.

— И часто у вас... так? — поинтересовался я, приблизившись вброд к группе актеров, переживавших потоп в фанерном Новом ковчеге.

— После дождичка в чет-

верг — как по расписанию, — доверительно сообщили те.

— По правде говоря, здание нашего театра строилось по типовому проекту Дома культуры для южных районов, — вмешался в разговор заведующий постановочной частью А. Юданов. — И оно совсем не приспособлено к условиям Сибири. Это, — он обвел рукой слезящиеся стены, — еще полбеды... Мы уже привыкли. Гораздо труднее будет, когда наступят морозы: тут уж недостатки нашего «южного» здания будут прямо выражаться по шкале Цельсия!

Директора театра Валентину Ивановну Запрудаеву я застал в кабинете в момент телефонного разговора. Судя по обрывкам фраз, доносившихся до меня, речь шла о необходимых материалах для ремонта крыши. Напористость, с которой вела беседу В. Запрудаева, свидетельствовала о том, что ее невидимый собеседник без энтузиазма отнесся к просьбе выделить театру рубероид, гудрон и прочие ремонтные компоненты.

— Знаете, — устало произнесла В. Запрудаева, положив грубку, — такое впечатление, что в областном управлении культуры нет до театра никакого дела. — И, помолчав, продолжила: — Светлана Николаевна Тарбанаква, которая должна заниматься театром как заместитель начальника управления, по-моему, уже и забыла, что таковой существует, и спасают нас только энтузиазм и задор самих актеров, которые и на субботники выходят, и в свободное время много работают в театре.

Прежде чем пойти в областное управление культуры, я решил обревизовать и остальные родники культурной жизни города Горно-Алтайска. А

их числилось немало для такого немалого города.

В городском парке, где, как мне было известно, должен был находиться кукольный театр, царил первозданная тишина и буйствовала алтайская осень. Желтые, коричневые и прочих цветов побежалости листья щедро сыпались на землю, не забывая при этом покрывать живописным ковром и некое деревянное строение, отдаленно напоминающее заимку дореволюционного старателя. Подле строения стояла современная будка на автомобильных колесах, из которой доносился слаженный перестук домино. Судя по крейсерским креплениям и обилию нереализованной стеклотары вокруг, будка стояла давно и трогаться с места в ближайшем обозримом будущем явно не собиралась.

— А где тут кукольный театр? — робко поинтересовался я у багроволицего обитателя современной кибитки.

Абориген, мрачно осмотрев меня, нехотя указал на строение, которое я по неопытности принял за избу старателя.

— Но ведь здесь нет окон, дверей да и полов... вроде, — робко заметил я труженику, который, как выяснилось позднее, совместно с коллегами и должен был заниматься их устройством.

— И не будет! — мрачно отрезал труженик. — Стройматериалов нету... Не выделили на этот ремонт нам стройматериалы, вот и нет работы!... Труженик помолчал и, сворачивая интервью, сказал: — И вообще эту стройку, наверное, заморозить придется... До лучших времен!

— Вы еще посмотрите, в каком состоянии находится местная школа искусств! — посоветовал директор детской ху-

дожественной школы В. Костин. — С 1978 года ремонтируют это здание, — сказал Вячеслав Николаевич, предупредительно помогая мне удержаться на гребне курганных куч строительных отходов, основательно забаррикадировавших землю окрест длинного деревянного барака, опрометчиво названного «школой искусств». — За это время на те деньги, которые были потрачены на ремонт этого здания, — горько констатировал наставник будущих живописцев, — можно было бы, наверное, построить академию художеств... А тут одних стекол, ежедневно высаживаемых медленно, но верно обескультуренными подростками, на очень приличную сумму пропадает... И не видно пока конца этому ремонту.

Сейчас, — продолжал В. Костин, — имущество художественной школы нам удалось разместить в различных местах, ну а дети пока вынуждены заниматься в комнате площадью 12 квадратных метров... А ведь у нас их свыше шести-десяти человек! Но самое интересное не в этом: когда начальник управления культуры В. Сатыев узнал о бедственном положении ДХШ, он, недолго раздумывая, принял командирское решение — надо вообще закрыть художественную школу!

— Не может быть, — заметил я, слезая осторожно со строительных развалин школы искусств. — Не может быть, чтобы очаги культуры в городе, так и не успев запылать, зачалили и стали гаснуть прямо на глазах! Ведь есть же еще музыкальная школа! В конце концов имеется музей.

Но, увы, здание музея само могло уже служить музейным экспонатом.

— Осторожно! — предупредила меня бдительная бабушка при входе, оторвавшись от вязания, — ничего руками не трогать!

— Как же, как же, — забормотал я, — мы порядки знаем...

— Не в этом дело, милоч, — угадывая во мне приезжего, дружелюбно пояснила бабушка, — здание наше почитай все грибком поражено, отвалится на голову канделябр какой — отвечай потом за тебя...

«Хватит! — сказал я себе. — Пора и в управление культуры! Пусть там мне четко разъяснят и расскажут, когда же наконец будет наведен порядок в культурных учреждениях города!»

Путь мой пролегал мимо музыкальной школы, в амбразурные щели которой выдувались сквозняком на улицу куплеты песни «Бьется в тесной печурке огонь...»

— Скажите, — спросил я заместителя начальника управления культуры С. Тарбанакву, — как обстоят дела в вашем городе с культурными учреждениями?

Немного помолчав и пошепестев бумагами с ответственными лиловыми печатями, Светлана Николаевна улыбнулась и бодро ответила:

— Конечно, некоторые трудности и незначительные недостатки у нас имеются, но в целом... — она подтянулась и, строго глядя на меня, культурно перечислила: — в городе имеется новый благоустроенный драмтеатр, функционирует музей, есть детская музыкальная и художественная школы, успешно заканчивается ремонт детского театра кукол и практически закончена реконструкция школы искусств...

Так-то вот!

М. СМIREНСКИЙ.